известную аналогию пушкинским «Сценам из рыцарских времен». Произведение Мериме — не исторический роман, а историческая драма. Однако драма Мериме — и это позволяет усмотреть в ней близкую аналогию к «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» — облаченное в художественную форму историческое исследование Жакерии — ее силы и слабости, роли и перспективах.

В предисловии к «Жакерии» автор писал: «До нас не дошло почти никаких исторических сведений о Жакерии. В „Хрониках" Фруассара мало подробностей и много пристрастия. Крестьянский мятеж как будто внушает глубокое отвращение этому историку, любовно прославляющему меткие удары копья и отвагу благородных рыцарей.

Что касается причин, вызвавших Жакерию, то о них нетрудно догадаться. *Эксцессы феодального строя должны были повлечь за собой эксцессы иного рода.* Следует заметить, что почти в то же самое время подобные восстания разразились во Фландрии, Англии и на севере Германии (...)» (курсив мой.— *Г. Ф.*) [12, т. 1, с. 247].

В цитированных словах Мериме заслуживают быть отмеченными три момента.

Во-первых, драматическая хроника Мериме полемична по отношению к «Хроникам» Фруассара, пристрастного к благородным рыцарям и питавшего отвращение к крестьянскому мятежу. Мериме стремится противопоставить восстановленный им на основе скупых документальных свидетельств и дополненный при помощи исторических аналогий и силы художественного воображения исторически достоверный рассказ о крестьянском мятеже XIV в., о принимавших в нем участие разнородных социальных силах и психологическом облике отдельных участников.

Во-вторых, Мериме открыто заявляет, что причиной Жакерии были «эксцессы феодального строя». Этого мало. «Эксцессами феодального строя» он объясняет (и в известной мере оправдывает) «эксцессы» Жакерии.

И, наконец, Мериме вводит Жакерию в определенный исторический ряд. Восстание Уота Тайлера, Джона Болла, выступление гёзов во Фландрии и крестьянскую войну XVI в. в Германии он объединяет в единый исторический ряд, осмысляя их как закономерную цепь народных мятежей, имевших единое происхождение, сходные черты и общую судьбу.

Опираясь на аналогию с восстанием Уота Тайлера, Мериме делает в своей драматической хронике руководителем восставших крестьян духовное лицо — монаха брата Жана. «Я не погрешил против исторического правдоподобия,— пишет он по этому поводу в предисловии к „Жакерии",— поставив во главе восставших монаха... Английским восстанием руководил священник Джон Болл» [12, т. 1, с. 247]. Знаменитые слова из баллады Джона Болла: «When Adam delv'd and Eve span,//Where was then the gentleman?» («Когда Адам пахал, а Ева пряла,//Где был тогда дворянин?») Мериме избирает одним из эпиграфов к «Жакерии».

Следуя за Шекспиром, который сделал первую попытку углубленно подойти к пониманию исторического облика и психологии руководителя восставших низов, а позднее в «Кориолане» изобразил столкновение древнеримских патрициев и плебеев, Мериме делает следующий шаг по пути, проложенному Шекспиром, Гёте и Скоттом. Но его интересует уже не благородный рыцарь Гётц фон Берлихинген, решившийся в борьбе с предательством немецких князей связать свою судьбу с восставшими крестьянами, не благородный разбойник Роб-Рой, выступающий в качестве борца за попранную справедливость. Мериме исследует непосредственный духовный облик, силу и слабость тех исторических сил, которые играли свою историческую роль на Западе в борьбе против феодализма и крепостного права.

Тем не менее Жакерия, как и другие средневековые крестьянские восстания, в понимании Мериме — дело прошлого. Французский писатель не связывает с анализом Жакерии своих размышлений о настоящем и будущем Франции. Крестьянин, по его мнению, однажды сыграл свою роль в историческом прошлом стран Запада и этим навсегда исчерпал свои потенциальные возможности как